

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Павел МАЛОВ

ЯИК-ГОРЫНОВИЧ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М19

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Малов, Павел Георгиевич

М19 Яик-Горынович : роман. / Павел Малов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 416 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-187728-6

Это сага о вольной реке и людях, которые пили ее воду с саблей в руке. О юности будущих пугачевских атаманов, походах и битвах, а затем — кровавом расколе с «послупной» стороной и первом восстании 1772 года. И пока пепел еще дымится, на берег выходит беглый донской казак, назвавшийся мертвым императором. И Яик снова вскипит.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-187728-6

© Павел Малов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Золочено у Яикушки его бело донышко,
Серебряны у Яикушки его белы краешки,
Жемчужные у Горыныча его круты бережки!
Яик ты наш Яикушка, Яик, сын Горынович!
Про тебя ли, про Яикушку, идет слава добрая.
Про тебя ли, про Горыновича, идет речь хорошая?

Старинная казачья песня

Часть первая

На Яике-батюшке

Глава 1

ВОССТАНИЕ В БАШКИРИИ

1

По узкой лесной дороге, замысловато петлявшей среди невообразимого переплетения сучьев, молодой поросли деревьев, кустарников и высокого травостоя, ехало пятеро всадников в голубых форменных чекменях с ярко красными отворотами на груди и обшлагах рукавов, в высоких казачьих шапках, что сразу выдавало яицких удальцов, с пиками за плечами, с боевыми ружьями и шашками. Это был передовой разъезд одного из правительственных отрядов, присланного из Оренбурга в Башкирию для усмирения очередного тамошнего бунта, который поднял коварный Батырша.

Казачи ехали молча, не переговариваясь: чутко вслушивались в полуденные лесные звуки и зорко осматриваясь по сторонам, — не мелькнет ли где в чаще лохматая лисья шапка мятежника. Урядник, как глухонемой, подавал подчиненным знаки пальцами, — изредка только подъедет поближе, шепнет что-нибудь для верности. Казачи понимающе кивали, быстро исполняли приказания. Двое отделились от основной группы и отъехали немного вперед, с опаской сняли с плеч ружья и взвели курки. Лес угрожающе молчал с обеих сторон дороги. В глубине явно таилась невысказанная опасность. Дозорные насторожились, как будто что-то почуяли.

Задние остановились. И в этот миг из чащи со свистом вылетели две стрелы: передние казаки, пораженные ими, взмахнув руками, со стонами повалились на землю. Трое оставшихся всадников встrepенулись, быстро вскинув ружья, дали залп в чащу, наугад.

Урядник крикнул одному:

— Родион, живо скачи к отряду, вызывай подмогу, а мы раненых пока подберем.

Тот, ни слова не говоря, довольный, что его отсылают из опасного места, тут же повернул коня и, нахлестывая его нагайкой, птицей полетел назад. Урядник с другим казаком, быстро перезарядив ружья, спрыгнули с коней и подбежали к стоновавшим на дороге товарищам. Одному стрела пробила бок, и он был еще в сознании, хоть и потерял много крови. Другой же, с тяжелой раной в левой стороне груди, отходил. Лицо его покрылось восковой предсмертной бледностью, на губах пузырилась кровавая пена, взгляд стекленел.

Урядник, сняв баранью шапку, перекрестился по-старобрядчески, двумя перстами, велел своему товарищу грузить другого раненого на его лошадь. Сам, с ружьем на изготовку, присел сбоку дороги, за кустом боярышника.

В чаще напротив что-то подозрительно зашевелилось. Урядник мгновенно отреагировал, пальнул туда из ружья. В кустах послышался предсмертный человеческий крик и треск ломаемых веток. Кто-то со стуком упал на землю. В ту же минуту оттуда раздался душевраздирающий визг, гортанные крики на башкирском языке, и на дорогу выскочила целая толпа мятежников с копьями, саблями, сайдаками и ножами. Кое-кто из лесных бродяг был вообще с дубиной, выломанной тут же. Вся эта пестрая, озлобленная толпа храбро бросилась на приготовившегося к защите урядника и казака, уже перебросившего раненого поперек седла. Лихой во-яка-урядник снова метко выстрелил в сборище, от чего

один из нападавших упал. Грохнул из ружья и казак, уложив еще одного бунтовщика. Лошадь с раненым он сильно хлопнул ладонью по крупу, и та понеслась прочь с места боя, назад, к основному отряду.

— Ну, рвем когти и мы, Афоня, чую, нам супротив толпищи не устоять, — нарочито весело крикнул урядник своему товарищу, вскочил на коня и понесся вслед за ускокавшей лошадью с раненым.

Казак тоже быстро прыгнул в седло, не обращая внимания на жужжавшие вокруг стрелы, лихо крутнулся назад, проскакал под носом у набегавшей толпы, умело и ловко взмахнул клинком. Голова одного из мятежников неожиданно отлетела от туловища, как кочан капусты, и нырнула в траву. Башкиры, враз оробев, отхлынули от сверкавшей, как молния, страшной казачьей шашки.

В это время урядник, завернувший за поворот дороги, нос к носу столкнулся с мчавшейся что есть духу на лошадях подмогой, которую вел Родион. Здесь было около тридцати казаков во главе с сотником Новоселовым. Тут же развернув коня, он радостно гикнул и поскакал вместе со всеми в атаку на врага. Казак Афоня, завидев своих, еще яростнее надел на бунтовщиков, беспощадно поражая их шашкой и топча конем раненых.

Башкиры стремительно сыпанули в лес. Казаки настигали их в чаще, безжалостно кололи длинными пиками и рубили клинками. Вскоре в лесу все замолкло. На земле остались только убитые бунтовщики да один казак, пораженный стрелой в самом начале боя. Сотник Новоселов велел собрать оружие и послал человека в обоз за похоронной командой. Нужно было зарыть убитого казака и оттащить порубленных башкир с дороги в лесную чащу. Родственники из ближайшего селения найдут их и похоронят по мусульманскому обычаю — до захода солнца.

Долго не задерживаясь, казаки двинулись дальше по лесной дороге. Следом прорысила сотня нарядных гусар в зеленых доломанах, отделанных на груди рядами «золотых» шнуров, с отороченными мехом ментиками на левом плече, в высоких смушковых шапках со шлыками на головах. Прогрохотала на выбоинах дороги артиллерия, потянулась однообразными, серыми от дорожной пыли рядами, царица полей — пехота. За нею — длинный скрипучий обоз, а замыкающими — снова казаки. Корпус был большой: около полутора тысяч штыков и сабель при семи пушках. Командовал подполковник Финк. Отряд направлялся в глухую лесную деревню Уразово Ногайской дороги, где, по сведениям лазутчиков, скопились крупные силы повстанцев и якобы находился сам Батырша.

В лесу вновь водворилось спокойствие. Как и раньше, беззаботно загомонили птицы, зажужжали насекомые. Отряд шел быстрым маршем. Уставших солдат в задних рядах подгоняли палками злые усатые капралы. Вовсе обессилевших подбирали обозные фуражиры. Подполковник Финк стремился засветло миновать опасный участок леса и окружить деревню, чтобы не вырвался знаменитый предводитель повстанцев. Он представлял, какая награда от правительства ожидает его за это дело!

Лес начал редеть. Сквозь сквозные просветы в деревьях стало видно зеленое разнотравье луга. Ярче засверкали солнечные лучи. За очередным поворотом дороги казачья разведка неожиданно наткнулась на препятствие. Проход был плотно загроможден срубленными деревьями, образовавшими непреодолимую преграду. Из-за завала раздались гортанные крики мятежников, и в казаков полетела целая туча стрел. Несколько человек упало с коней, остальные, сорвав с плеч ружья, дружно грянули в неприятеля убийственным залпом. Отъехали на безопасное расстояние, дожидаясь пехоту. Штурмовать укрепления — ее задача.

Офицеры подвели свои подразделения, выделили несколько взводов для лобовой атаки. Два крупных отряда мушкетеров под руководством опытных сержантов направились в обход: с левой и правой стороны завала. Вскоре в лесу загрели ружейные выстрелы, послышалось грозное солдатское «ура». Это вступили в бой посланные по лесу в обход группы. Тогда тревожно зарокотали ротные барабаны, запели флейты — передовой отряд пехоты со штыками наперевес бросился на преграду.

Подбежав на ружейный выстрел, солдаты по команде сержантов враз приостановились, сделали залп и, не перезаряжая мушкетов, вновь продолжили стремительную атаку. Башкиры на завале загомонили, яростно завизжали «алла», начали беспорядочно осыпать стрелами атакующих мушкетеров. Кое-кто из бунтовщиков стрелял из ружей и пистолетов, захваченных у солдат.

Мушкетеры, не обращая внимания на стрелы, продолжали набегать на завал. С криками падали раненые и убитые, матерились сержанты, сзади громкими криками подбадривали наблюдавшие за боем гусары и казаки. Артиллеристы при пушках застыли с зажженными фитилями. Стрелять было нельзя — можно было запросто угодить по своим.

Передние ряды атакующих солдат наконец достигли завала, цепляясь за сучья, принялись карабкаться вверх. Башкиры обреченно защищались, сбрасывая мушкетеров пиками, рубя саблями. На верху завала разгорелась жестокая рукопашная схватка. Солдаты умело кололи башкир штыками, били по головам прикладами, сбрасывали вниз. Кругом стонали раненые и умирающие, кричали, стараясь этим напугать противника, живые. На кучу деревьев лезли все новые и новые волны атакующих, так что они в конце концов своей массой задавили защитников. Оставшиеся в живых мятежники побежали к коновязям, которые были на опушке леса. Вслед

им устремились перелезшие через завал солдаты. Другие мушкетеры стали быстро растаскивать деревья — освободить проход. Вышли из леса две обходные группы солдат, начали стрелять в отступающих к деревне башкирских всадников.

Когда дорога была свободной, подполковник Финк бросил вперед казаков и гусар. Те быстро загнали мятежников в их деревню, но дальше не пошли. Поселение башкир представляло из себя настоящую крепость: улицы были перегорожены баррикадами из бревен и всякого хлама. Кругом виднелись многочисленные защитники.

Из центра села ударила пушка. Кавалеристы разбились на небольшие группы, рассыпались по всей поляне, которая, в окружности, занимала немалую площадь. Казачий разъезд, в котором были давешний урядник с Афоней и Родионом, углубился в лес на противоположном конце.

— Да никого тут нет, господин урядник, — беззаботно встряхнул головой геройский казак Афоня. — Нехристи все — в деревне... Что им в чащобе делать?

— Болтай!.. — презрительно хмыкнул опытный вояка, урядник. — Басурманы на всякие уловки мастаки. Схоронятся в лесу, а как мы пойдем на приступ деревни, вдарят нам в спину!

Обследовав порядочный массив чащобы и никого не встретив, казаки остановились передохнуть. Урядник обратился к Родиону.

— Атаров, табачок есть? Я свой во время недавней сшибки в лесу посеял.

— Как не быть? Имеется, — с готовностью отвечал тот. Достав расшитый жинкой цветастый кисет, протянул начальнику. — Угощайся, Иван Игнатьич, табачок добрый... Самосад с собственной плантации.

— Ну, коли угощаешь, Родион, дай-ка и мне щепоть, — потянулся за дармовым куревом и Афоня — веселый казак, большой любитель дурницы.

Удальцы крепко набили трубки, с наслаждением задымили.

— Покурим, малость отдохнем и до своих тронем, обратно, — говорил, задумчиво пуская кольцами сизый табачный дым, урядник Иван Игнатьевич. — Там скоро главная баталия начнется, надо как раз успеть.

— На тот свет, чай, никогда не опоздаешь, Игнатьич, — лукаво подмигнул Родион Атаров. — Пущай солдатушки воюют, у них ни семьи, ни кола, ни двора, а у нас жинки с детишками в городке.

— И то правда, — согласно кивнул урядник. — Был бы то настоящий неприятель, вроде турков, а то так, башкирцы голозадые... С ими воевать — себя не уважать! Что мы, жандармерия, что ли?..

— Слышь, господин урядник, — полез с вопросом Афоня, — а правду говорят, что сам Батырша в деревне?

— Болтают, а там кто его знает?.. — пожал плечами урядник.

2

Когда разъезд вернулся на поляну, там уже вовсю кипело сражение. Артиллерия с дальней дистанции безжалостно громила укрепления башкир в деревне. Ей отвечала единственная пушка мятежников, но вскоре и она заглохла, поврежденная метким попаданием ядра. Роты солдат со всех сторон обложили населенный пункт, так что не могла проскочить и мышь. На стыках пехотных подразделений располагалась конница. На опушке леса, в окружении штабных офицеров, находился подполковник Финк. То и дело взглядывая в подзорную трубу, он руководил баталией.

От артиллерийского огня деревня в нескольких местах уже горела, обезумевшие жители метались между пылающими постройками, спасая жалкое имущество. Башкиры на баррикадах продолжали отстреливаться

из луков от наседавших солдат. Те отвечали меткими ружейными залпами, от которых бунтовщики десятками падали внутрь укрепления, но на смену им заступали новые.

Офицеры подали команду, и мушкетеры стройными рядами дружно устремились на приступ. Артиллерия перенесла огонь с укреплений на передней линии вглубь села, а потом и вовсе замолкла. Громогласное солдатское «ура» слышалось уже на окраине, где вспыхнул яростный штыковой бой. Мушкетеры штурмовали баррикады, перегородившие узкие улочки. Мятежники, с отчаянием смертников, сопротивлялись. Видя свое безвыходное положение, некоторые с кинжалами бросались на солдатские штыки, лишь бы не попасть в плен. Мушкетеры кололи всех без разбора, прокладывая себе дорогу вглубь села. Сами то и дело падали под ударами сабель и копий башкир.

Кровавая рубка закипела на сельских улицах. Повстанцы цеплялись за каждый дом. Забаррикадовавшись в нем, отстреливались до последнего. И только когда солдаты поджигали соломенную крышу, выскакивали с обнаженными саблями на улицу. С диким визгом бросались на мушкетеров, напарывались на штыки, гибли под убийственным ружейным огнем, но не сдавались.

Мятежниками действительно руководил сам Абдулла Мязялдин, или Батырша, как называли его русские, влиятельный мулла, вождь башкирского восстания. Он умело перебрасывал свежие отряды повстанцев в наиболее опасные места, не боясь ядер и пуль, носился на горячем коне в самом центре сражения. Молодой, красивый, храбрый мещеряк Батырша был кумиром башкирской молодежи, которая готова была пойти за ним в огонь и в воду.

Бой приближался к развязке. Солдаты железной стеной теснили мятежников к центру горящего села. Лучшие силы башкир гибли в яростных, но бессмыс-

ленных контратаках, которые неизменно возглавлял сам Батырша. Башкиры, по одиночке и группами, врзались в самую гущу наступающей зеленокафтанной пехоты, рубили солдат саблями, кололи пиками и копьями, резали ножами. Десятками падали под безжалостными ударами трехгранных русских штыков или сраженные пулями. Умирая, старались с земли в последний раз рассмотреть: сражается ли Батырша? Не убит? Не ранен? И, увидев любимого вождя на коне, с обнаженной окровавленной саблей, в окружении дюжины смелых батыров из личной охраны, улыбались и спокойно отходили из этого мира в иной...

Сподвижники, кто еще остался в строю, доложили Батырше, что положение безнадежное: солдаты с минуты на минуту возьмут село... Вождю нужно уходить!

— Я своих людей в беде не брошу, — презрительно ответил Абдулла Мязгялдин и вновь устремился в драку.

— Абдулла, уже почти никого нет, уходи в лес — мы задержим солдат! — умоляли его сподвижники — и падали один за другим под выстрелами мушкетеров.

Те, кто еще держался в седле, все израненные, продолжали защищать своего предводителя, рубясь из последних сил. Их прижали к забору крайней хаты, кололи штыками коней и самих всадников, стреляли в упор. Подоспевшие гусары и казаки рубили саблями.

Урядник Иван Игнатьевич со своими яицкими удальцами был здесь же. Разрубая до седла очередного башкира, набросившегося на него, с задором крикнул Родиону Атарову:

— Сам Батырша тут! Вон он, гололобый, в распахнутом халате... А ну-ка, отгоните с Афоней от него косоглазых, я попытаюсь его взять!

Родион, Афоня и еще несколько казаков накнулись на телохранителей Батырши, ожесточенно заработали клинками. Родион Атаров срубил одного мятежника,

другому отсек напрочь руку. Третий чуть не снес голову ему самому, но казак вовремя увернулся, снизу ткнул башкирца концом шашки в бок. Тот со стоном повалился на землю.

Рядом Афоня рубился со здоровенным силачом-башкиром в стальной кольчуге, никак не мог его одолеть. Уже получил от него несколько легких колотых и резаных ран. Наконец, подоспевшие на помощь казаки с двух сторон атаковали силача, отвлекли внимание, и только тогда Афанасий ловко рубанул его по шее. Башкир в кольчуге, выронив саблю, со стоном полетел с коня, а казак уже искал себе новую жертву.

Пока кипела вся эта кровавая сабельная резня, урядник Иван Игнатьевич пробивался к Батырше. Тот, почуввав опасность, перемахнул через низкую изгородь и нырнул в высоко поднявшийся за околицей села луговой бурьян. Урядник пустился за ним в погоню. Азарт подстегивал старого служаку. Захотелось самолично привести на аркане знаменитого Батыршу.

Они быстро миновали свободное пространство перед опушкой леса и нырнули в чащу, которая поглотила их, как море. Ветки с силой стегали по лицу урядника, но он, не останавливаясь, гнал и гнал коня вперед. С остервенением рубил шашкой зеленую лесную мешанину — торил дорогу. Вскоре шум боя в башкирском селе остался далеко позади. Звуки скрыл шум леса. Иван Игнатьевич еле улавливал впереди треск сучьев под копытами коня Батырши и неуклонно правил туда. Он не думал, справится ли сам с противником, один ли тот, или подоспели соратники. Единственной мыслью было: «Поскорее догнать нехрестя! Не дать уйти!»

Вскоре он перестал слышать треск сучьев, заметался по кругу, не зная, в какую сторону направить коня. Запаниковал... Не заметил, как метнулась сзади, из-за раскидистой старой ели черная фигура Батырши